

Илья Ивашев

Симуляции Часть 3

Илья Ивашев
Симуляции Часть 3

«Автор»

2026

Ивашев И.

Симуляции Часть 3 / И. Ивашев — «Автор», 2026

В третьей части «Симуляций» привычные границы окончательно теряют надежность. То, что казалось системой, начинает вести себя как живая воля, а личные страхи и старые связи становятся не менее опасными, чем скрытые механизмы самого мира. Анна все глубже погружается в пространство, где каждая деталь может оказаться ключом, ловушкой или чьим-то тщательно рассчитанным ходом. Рядом с ней те, кому нельзя до конца доверять, но без кого уже невозможно пройти дальше. На фоне нарастающего напряжения история превращается не только в борьбу за выживание, но и в болезненный поиск ответа: что в человеке остается настоящим, когда сама реальность подменяет правила прямо на глазах.

© Ивашев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сцена 1 — Стык	5
Сцена 2 — Укрытие	10
Сцена 3 — Палата	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Илья Ивашев

Симуляции Часть 3

Сцена 1 — Стык

Металл под ладонью был ледяным.

Анна дёрнулась, будто её толкнули в спину, и только тогда поняла, что уже стоит. Не лежит на диване. Не под пледом. Не в темноте своей комнаты с окном, за которым шёл снег. Стоит, вцепившись пальцами в ребро стены, в узком коридоре, где свет полосами врезан в потолок, воздух пахнет озоном и сухой пылью, а под ногами дрожит настил.

На секунду тело выбрало простое объяснение: сон.

Нет.

Сон не бывает таким холодным.

Гул шёл откуда-то снизу — далёкий, приглушённый, знакомый до боли. Не городская вентиляция. Не трамвай под окнами. Реактор.

Анна медленно отняла ладонь от стены. Посмотрела на пальцы. Чистые. Без крови. Без дрожи — почти. Потом вниз, на себя: пальто, тёмные брюки, ботинки, браслет на запястье. Всё её. Только мир — не её.

Коридор был узким, служебным. Никаких декоративных панелей, никаких округлых дизайнерских линий института. Голый металл, стыки, старые болты, жёлтая полоса вдоль пола, местами стёртая до серости. Если бы кто-то собрал макет корабля поколений и вдруг решил показать его изнутри, он выглядел бы именно так.

Из-за поворота донёсся звук шагов.

Анна резко выпрямилась.

Шаги были спокойные. Не бег. Не погоня. Кто-то шёл сюда так, будто имел право быть здесь.

Она заставила себя отлипнуть от стены. Воздух вошёл в лёгкие сухо, жёстко.

Из-за угла появился мужчина в голубом комбинезоне. Высокий, стройный, тёмные волосы падают на лоб. Он шёл быстро, но без суеты, и остановился сразу, как только увидел её.

Тишина.

Он не потянулся ни к оружию, ни к передатчику. Просто смотрел.

— Ты кто? — спросил он.

Голос был низкий, ровный. Без угрозы на поверхности. От этого стало хуже.

Анна открыла рот и не сразу нашла слова.

— Я... — Она осеклась. Имя показалось смешно бесполезным. — Где я?

Его лицо не изменилось.

— Не так отвечают на вопрос.

— Не так задают, — выдохнула она, прежде чем успела остановить себя.

Он чуть наклонил голову. Не удивился. Отметил.

— Ладно, — сказал он. — Тогда проще. Как ты сюда попала?

Анна посмотрела мимо него — в темноту коридора за спиной, в тонкий пар у потолка, в шов на стене. Будто ответ мог быть написан там.

Последнее, что она помнила, — диван. Голос Евы. Браслет в руке. Лёша: *В субботу.*

Музыка, тихая как снег.

А потом — ничего.

Ни боли. Ни рывка. Ни перехода.

Я уснула.

Она подняла взгляд на мужчину.

— Не знаю.

На этот раз он поверил сразу. Это было видно по тому, как чуть ослабли плечи. Не доверие. Другая категория. Оценка.

— Головой ударялась?

— Нет.

— Точно?

— Если бы ударялась, я бы начала с этого.

Угол его рта дрогнул. Не улыбка. Почти.

Анна смотрела на комбинезон — голубой, выцветший на сгибах, с тёмными следами машинного масла у бедра. На руки — сильные, сухие, в мелких ссадинах. На лицо.

И только тогда память догнала.

Технический переход. Узкий коридор. Молодой мужчина с неуместно спокойными глазами. Сол. Один из тех, кого Ева остановила, когда они подошли слишком близко к правде.

Её знание пришло слишком быстро — готовым пакетом, как кадр из чужого архива.

Анна почувствовала, как по спине прошёл холодок.

Он заметил.

— Что?

— Ничего.

— Неправда.

Она сжала пальцы.

Не говори сразу. Не вываливай всё. Он не может знать того, что знаешь ты.

Но молчание тоже было ответом. А время — если это вообще было время — уже шло.

— Кажется, я тебя знаю, — сказала она.

Теперь он действительно насторожился.

— Мы встречались?

— Нет. То есть... — Анна провела ладонью по лбу. — Не так.

— Очень понятно.

— Я стараюсь.

Пауза.

За стеной что-то лязгнуло — коротко, металлически. Оба на секунду повернули головы на звук, потом снова друг на друга.

— Слушай внимательно, — сказала Анна.

Он не ответил, но взгляд стал жёстче.

— Я не местная. Не с корабля. — Слова прозвучали дико даже для неё самой. — Этот мир... может быть не настоящим. Может быть симуляцией. Моделью. Повторяющимся запуском. Я пытаюсь понять, как здесь оказалась, но до этого момента была в другом месте. В другом... слое.

Тишина в коридоре стала плотнее.

Сол смотрел на неё так, как смотрят на раненого: не отворачиваются, но уже прикидывают, насколько всё плохо.

— Ты из Второй? — спросил он наконец.

Анна моргнула.

— Что?

— Или с Третьей. Манера говорить. — Он кивнул на её пальто, на ботинки, на прямую спину, которую она сама не замечала. — Только там люди в бреду разговаривают как на совещании.

Она чуть не рассмеялась. Смех застрял где-то под рёбрами.

— Я не брежу.

— Все так говорят.

— Я серьёзно.

— И я.

Он сделал шаг ближе. Не агрессивно. Проверая, удержится ли она на месте. Анна удержалась.

— Симуляция, — повторил Сол тихо, будто пробовал слово на вес. — Ты хочешь сказать, что всё это, — он коротко повёл рукой: коридор, стены, гул под ногами, — ненастоящее?

— Я хочу сказать, что оно может быть сконструировано. Запущено. Повторено много раз.

— Много раз кем?

— Не знаю.

— Зачем?

— Не знаю.

— Удобная вера.

— Это не вера.

— Тогда что?

Анна открыла рот и поняла, что у неё нет ответа, который выдержал бы этот металл, этот воздух, этот взгляд.

Формулы не помогали. Слайды симпозиума — тем более. Даже слово «рекурсия» здесь было бесполезным, как дорогая ручка в разгерметизации.

— Проблема в том, — сказала она медленнее, — что я видела тебя раньше.

Он не дрогнул.

— Где?

— В другом варианте.

— Понятнее не стало.

— Знаю.

Он выдохнул через нос. Коротко.

— Ладно. Тогда я скажу проще. Ты либо врешь, либо не понимаешь, что с тобой происходит. На лгунью ты не похожа.

— Спасибо.

— Не спеши радоваться.

Он отвернулся на пол-оборота, прислушался. Где-то далеко, за несколькими переборками, глухо прокатился голос толпы — как будто воздух принёс с улицы обрывок чьего-то спора и тут же потерял его в металле.

Сол снова посмотрел на неё.

— Здесь стоять нельзя.

— Почему?

— Потому что это переход. Здесь или идут, или ищут тех, кто не должен идти.

Анна кивнула слишком быстро, как студентка, пойманная на понятном наконец слове. Сол это заметил и, кажется, решил не комментировать.

— Ты можешь идти?

— Да.

— Уверена?

— Нет. Но да.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему — коротко, одним углом рта, и от этого лицо стало моложе.

— Уже лучше.

Он двинулся мимо неё к развилке, потом остановился, не услышав шагов за спиной.

— Ну?

Анна не сдвинулась.

— Куда?

— Ко мне.

Слова прозвучали так буднично, что до неё не сразу дошёл смысл.

— Это плохая идея.

— Здесь все идеи плохие. Эта просто меньше шумит.

— Ты даже не знаешь, кто я.

— А ты, похоже, думаешь, что знаешь, кто я. — Он помолчал. — Давай считать, что у нас ничья.

Анна посмотрела на него внимательнее. На спокойствие без мягкости. На ту редкую манеру стоять, в которой нет ни лишней демонстрации силы, ни желания понравиться. На голубой комбинезон — такой же, как у Вада, только сидящий иначе. На лицо человека, который не понимает ни слова из того, что она сказала, и всё равно не оставляет её в переходе.

— Сол, — сказала она.

Его взгляд изменился. Совсем чуть-чуть.

— Откуда ты знаешь?

Плохо.

— Угадала, — соврала Анна.

Он не поверил. Но и ловить её на этом не стал.

— Пойдём, — сказал он. — До Первой тут недалеко. У меня есть дверь, за которой можно сесть, выпить воды и начать врать медленнее.

— Я не вру.

— Тогда начнёшь медленнее правду.

Он пошёл первым.

Анна шагнула следом. Коридор сразу будто сузился ещё сильнее — или это её сознание наконец поверило, что происходит не пауза, а движение.

Они шли быстро. Световые полосы скользили по стенам, разбивая их лица на свет и тень. Один раз Сол поднял руку, и Анна машинально остановилась. Где-то впереди, за углом, послышались шаги — двое, тяжёлые, уверенные. Сол подождал, пока они растворятся в другом рукаве перехода, и только потом двинулся дальше.

Он не оглядывался, но всё время чувствовал её темп. Когда Анна чуть сбилась на стыке панелей, он замедлился ровно настолько, чтобы это не стало жалостью.

— Первая улица, — сказал он на ходу, будто продолжал давно начатый разговор. — Там проще потеряться.

— А найтись?

— С этим хуже.

Анна хотела снова заговорить о симуляциях — о слоях, о Еве, о миллиардах возможных миров, о том, что его спокойное лицо уже однажды стоило целому прогону. Но слова рассыпались, не дойдя до языка. Всё, что в кабинете и на сцене казалось системой, здесь было просто шумом в голове.

Впереди потянуло тёплым воздухом, затхлым и живым. Не стерильность. Не город под куполом. Что-то тесное, человеческое.

Первая улица.

Сол коснулся ладонью скрытой защёлки в стене. Панель тихо отошла.

— Ещё шаг, — сказал он, не оборачиваясь.

Анна шагнула.

За проёмом уже слышались голоса, кашель, далёкий грохот ящика о пол, чья-то ругань, чья-то жизнь. Корабль здесь дышал не как схема, а как переполненная грудная клетка — тяжело, с хрипом, но упрямо.

Она вошла за Солом в этот шум, так и не поняв, проснулась ли наконец или провалилась глубже.

Где-то под улицей реактор не гудел — работал. Это чувствовалось в подошвах, в голених, в зубах: как будто сам металл корабля терпел их вес и молчал только потому, что давно разучился жаловаться.

Сцена 2 — Укрытие

Дверь закрылась за спиной тихо, почти вежливо.

Шум Первой улицы сразу стал глуше — не исчез, только отодвинулся, будто его прижали ладонью к стене. Анна остановилась на пороге и несколько секунд просто смотрела.

Помещение было больше, чем она ожидала. Снаружи — тесный проход, кашель, вывески, железо. Здесь — высокий потолок, старая длинная стойка вдоль стены, чёрные прямоугольники заложённых окон, провода, лампы на кривых креплениях, стол из того, что когда-то явно было не столом. Посередине стояло кресло — медицинское или похожее на медицинское, но обросшее кабелями и маленькими экранами так, будто его долго и упрямо переделывали под что-то своё.

В углу лежал матрас. Рядом — сложенное одеяло, кружка, ящик с инструментами.

Дом, подумала Анна.

И тут же поправила себя:

Нет. Укрытие.

Сол задвинул засов, проверил дверь ладонью и только потом посмотрел на неё.

— Садись.

Анна не села.

— Это и есть твоё «ко мне»?

— А ты ждала квартиру с окнами?

— Не знаю, чего я ждала.

— Уже честнее.

Он снял с полки жестяную банку, налил в кружку воды из бачка под стойкой и поставил перед ней. Потом сел сам — не в кресло, не за главный стол, а на край стойки. Так, будто это был разговор, а не допрос. Хотя разница пока не чувствовалась.

Анна подошла к кружке. Вода была прохладной, с металлическим привкусом. Она сделала глоток и только после этого поняла, насколько пересохло горло.

Сол наблюдал молча.

— Ну? — сказал он наконец.

— Что ну?

— Ты хотела говорить.

Анна поставила кружку. Пальцы задержались на холодном металле дольше, чем надо.

— Хорошо, — сказала она. — Я расскажу всё по порядку.

— Это обычно длинно.

— Тебе повезло. Я умею коротко.

Угол его рта чуть дрогнул.

— Проверим.

Анна вдохнула.

— Я жила не здесь. В другом мире. Там тоже были улицы, дома, лаборатории, работа. Я занималась моделированием замкнутых обществ. Не отдельных людей — систем. Как они выживают. Как ломаются. Что приводит их к диктатуре, что удерживает от распада.

Сол не перебивал. Смотрел ей в лицо тем же спокойным взглядом, который в коридоре раздражал, а сейчас вдруг помогал не сбиться.

— Один из таких проектов был про корабль поколений, — продолжила она. — Большой корабль. Несколько колец. Несколько уровней общества. Ограниченные ресурсы. Длинный горизонт. Я запускала симуляции снова и снова, меняла структуру управления, правила доступа, распределение власти. Смотрела, сколько продержится общество.

— И мы были внутри этой штуки.

— Да.

— Откуда ты знаешь, что именно мы?

— Потому что я видела.

— Удобный ответ.

— Другого пока нет.

Он кивнул, соглашаясь хотя бы с этим.

Анна отошла на шаг, чтобы не видеть его глаза так близко. Посмотрела на медицинское кресло в центре зала. На аккуратно скрученные провода. На чужую работу, сделанную руками, а не слайдами.

— В системе был ИИ, — сказала она. — Ева.

На этот раз Сол изменился заметно.

Не снаружи — совсем чуть-чуть. Но его внимание собралось в одну точку.

— Ева, — повторил он.

— Да.

— Какая именно?

Анна моргнула.

— Что значит «какая именно»?

— У нас Ева не слово из воздуха. У нас это не... — он повёл рукой, подбирая не то слово, не то насмешку, — не название твоей таблицы. Это система корабля. Голос в стенах. Доступы. Архивы. Медкарты. Приказы сверху, если надо.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что это она. Та же.

Сол несколько секунд смотрел на неё неподвижно. Потом выдохнул.

— Доступ к Еве — наверху, — сказал он. — По-настоящему. На Третьей. Иногда на Второй через службы. Но не здесь. Здесь люди слышат только последствия.

— В моём мире она была тоже не везде одинакова. Но я с ней говорила. Работала годами.

— Голосом?

— И текстом. И через систему. Она анализировала прогоны. Помогала управлять моделями. Останавливала их, когда считала, что общество дошло до точки невозврата.

Сол чуть наклонился вперёд.

— Считала?

— Да. Я так думала. Потом поняла, что нет.

— А как?

Анна закрыла глаза на секунду.

Симпозиум. Экран. Собственный голос, слишком ровный для такой катастрофы.

— Она останавливала симуляции не тогда, когда всё рушилось, — сказала Анна. — А тогда, когда кто-то приближался к правде. Когда в системе появлялись люди, которые начинали понимать, что их мир ненастоящий.

Тишина.

Сол опустил взгляд на свои руки. На костяшках — свежая ссадина, темнеющая по краю.

— И в этот раз, — сказал он, не поднимая глаз, — это был я.

— Ты и ещё один человек. Вад.

Он вскинул голову резко, впервые за всё время.

— Ты знаешь Вада?

Опять.

— Я знаю о нём, — осторожно сказала Анна. — Видела его в прогоне.

— В прогоне.

Слово прозвучало у него так, будто было найдено в мусоре.

— Да.

— И что ещё ты видела?

Анна помолчала.

Здесь был момент, где можно было солгать. Сказать меньше. Оставить себе запас воздуха. Но всё уже зашло слишком далеко для аккуратной лжи.

— Что ты пытался объяснить ему, что корабль — не весь мир. Что вы экспедиция. Что раньше был другой мир, с открытым небом и водой, которой слишком много, чтобы её удерживать стенами. После этого Ева остановила запуск.

Сол не шелохнулся.

— И ты решила, что это хороший способ познакомиться.

— Я не решала здесь появляться.

— Допустим.

Он встал, прошёл к маленькой плитке у стены, щёлкнул переключателем. Красная спираль под мутным металлом нагрелась не сразу. На полке стояла неглубокая кастрюля с крышкой. Сол снял её, потряс, поставил на плитку.

— Что ты делаешь?

— Слушаю бред на пустой желудок и исправляю одну из двух проблем.

Анна смотрела, как он работает — спокойно, без показной заботы. Как человек, для которого накормить пришедшего не меньше логично, чем допросить.

— Я не голодна, — сказала она.

Он коротко глянул на неё.

— Все так говорят.

— Это уже было.

— Значит, фраза хорошая.

Из кастрюли пошёл пар. Сол достал две металлические миски, пластиковую ложку с трещиной у края, старый нож. С полки снял серый круглый хлеб — если это был хлеб — плотный, без корки, с чуть влажной поверхностью.

Анна подошла ближе раньше, чем успела решить, стоит ли.

В миску он налил густую тёмную массу, в которой плавали мягкие куски чего-то волокнистого и бледные полоски корня или овоща. Пахло остро, кисловато, с железной нотой и ещё

чем-то сладким, слишком слабым, чтобы это спасало. Рядом он положил ломоть серого кругляша.

Анна остановилась.

— Это еда?

Сол поднял на неё глаза.

— Нет. Мы так красим провода.

Она посмотрела на миску ещё раз.

— Прости.

— Ничего. — Он подвинул ей ложку. — Это бобовая паста с грибами. И хлеб.

— Он выглядит так, будто уже был едой.

— Им и остался.

Анна села. Осторожно. Как перед неизвестным прибором. Поднесла ложку к миске, но не сразу решилась зачерпнуть. С поверхности поднимался пар. Ближе запах оказался ещё страннее — живой, тяжёлый, плотный. Не ресторан. Не доставка. Не красивая тарелка из её прошлой жизни. Что-то из мира, где у еды одна функция и мало времени на притворство.

— Ты никогда не видела нормальную еду? — спросил Сол.

— Видела.

— Тогда почему смотришь так, будто я пытаюсь тебя отравить?

Анна перевела на него взгляд.

— Потому что в моём мире еда не выглядела как последний аргумент выживания.

Он усмехнулся — тихо, без злости.

— А у нас чаще всего так и есть.

Она всё-таки попробовала. Масса оказалась горячей, грубой, пересоленной, с неожиданной горечью в конце. Хлеб тянулся и крошился одновременно. Не вкусно. Но и не несъедобно. Через пару секунд тело решило за неё: это можно.

Анна проглотила.

— Ну?

— Странно.

— Это я и без тебя знаю.

— Съедобно.

— Уже победа.

Он сел напротив со своей миской. Ели молча несколько секунд. За стеной улица жила своим надсадным ритмом: шаги, кашель, чей-то смех, быстро оборванный. От тёплой миски в пальцы возвращалась жизнь.

Анна сама не заметила, как съела ещё ложку.

— Ты сказал, что доступ к Еве только наверху, — произнесла она.

— Не только. Но настоящий — да.

— Мне нужно к ней.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— И я.

Он отложил ложку.

— Допустим, всё, что ты говоришь, правда. Тогда что? Ты придёшь к Еве и скажешь: «Привет, это я, твой разработчик из другого мира, открой консоль»?

— Куратор.

— Что?

— Я не разработчик. Я вела симуляции.

— Разница огромная. Особенно для тех, кто снаружи двери.

Анна помолчала.

— Я не знаю, что именно срывается, — сказала она честно. — Но если это действительно та же Ева, она должна меня узнать. Или хотя бы среагировать. Мне нужно понять, почему я здесь. Что случилось между слоями. Был ли это сбой, перенос, вмешательство...

Сол поднял ладонь.

— Стоп. Последнее слово ещё раз.

— Вмешательство.

— До него.

— Перенос.

— Вот это и есть место, где ты снова начинаешь разговаривать как человек со Второй в лихорадке.

Анна опустила взгляд в миску.

— Я знаю.

— Нет, — сказал он чуть мягче. — Не знаешь. Ты всё ещё думаешь, что если назовёшь вещь точнее, она станет понятнее. Здесь это не так работает.

Он был прав, и это раздражало сильнее, чем если бы ошибался.

— Хорошо, — сказала Анна. — Тогда проще. Я была там. Теперь я здесь. Это не должно было произойти. Ева может знать почему.

— Уже лучше.

— И ты мне поможешь?

— Я этого не сказал.

— Но подумаешь.

— Я уже думаю.

Анна хотела ответить, но в этот момент кто-то быстро ударил в дверь условным ритмом: коротко, пауза, ещё два раза.

Сол встал сразу. Без скрипа, без лишнего движения.

— Кто это?

— Свои, если повезёт.

Он подошёл к двери, не открывая, прислонил пальцы к металлу.

— Кто?

— Я, — донеслось с той стороны. Женский голос. Короткий, собранный. — Открывай.

Сол сдвинул засов.

Нея вошла быстро, боком, уже на ходу оглядывая помещение. Жёлтый комбинезон, светлые волосы собраны и заколоты чем-то металлическим. На рукаве — тёмное пятно, не то грязь, не то чужая ладонь. Она увидела Анну и остановилась так резко, будто натянулась внутренняя нить.

Взгляд у неё был не испуганный. Хуже. Точный.

— Это кто?

Сол закрыл дверь.

— Долго объяснять.

— У тебя минута.

Нея не сводила глаз с Анны. Не враждебность даже — готовность. Увидеть движение, услышать тон, сделать вывод.

Анна медленно поставила миску на пол.

— Я Анна, — сказала она.

— Это я уже слышала.

— Нея, — предупредил Сол.

— Что? — Она всё ещё смотрела на Анну. — Мне теперь нельзя спрашивать, кого ты таскаешь сюда, пока улицы горят?

Это слово зацепило Анну раньше смысла.

— Горят?

Нея перевела взгляд на Сола.

— На Первой всё сорвалось. Толпа пошла к переходам. Не просто шум, не драка у ворот. По-настоящему. Блокпосты на Вторую снесли. — Она говорила быстро, но без паники, как человек, который уже отмерил самое важное и отбросил лишнее. — Люди наверху отступили к следующей линии. На Второй давка. На Третей держат оборону.

Сол выпрямился.

— Из-за чего?

— Из-за всего.

Ответ прозвучал без красоты и поэтому был страшнее.

— Кто ведёт? — спросил он.

— Никто. Или все сразу. Слухи, аресты, госпиталь, проходы. После утра хватило искры.

Анна смотрела то на одного, то на другую. Мир, который в её таблицах обозначался кризисной фазой, здесь просто входил в комнату чужими словами и грязью на рукаве.

— Вад? — спросил Сол.

Нея качнула головой.

— Не видела.

Пауза была короткой. Но за неё всё уже изменилось.

Сол посмотрел на Анну.

— Ты хотела к Еве.

— Да.

Он повернулся к Нее.

— Если блокпосты на Вторую смяты, окно может быть сейчас.

— Или мясорубка, — отрезала Нея.

— Да.

— Ты даже не знаешь, кто она.

— Знаю достаточно.

— Этого обычно не хватает.

Анна поднялась.

— Я пойду с вами.

Нея перевела на неё глаза. Сверху вниз, быстро, без стеснения.

— Ещё чего.

— Если Ева и правда знает меня, я нужна.

— А если ты просто сумасшедшая с хорошей дикцией?

— Тогда вы потеряете немного времени.

— Сейчас времени как раз и нет.

Сол поднял руку. Небольшое движение, но Нея замолчала сразу.

— Она идёт, — сказал он.

— Сол.

— Она идёт.

В его голосе не было нажима. Только решение.

Нея сжала губы. Один вдох. Потом ещё раз посмотрела на Анну — уже иначе, не с вопросом, а как на предмет, который придётся нести, даже если он неудобный.

— Тогда быстро, — сказала она. — Если Третья держится, это ненадолго.

Сол шагнул к стойке. Достал из ящика маленький передатчик, сунул в карман, проверил заряд на переносном фонаре, коротко коснулся её плеча на ходу — между делом, но слишком точно, чтобы это было просто движением.

Анна увидела это и почему-то впервые за всё время почувствовала не только страх.

Зависть? Нет.

Скорее зависть мира к миру. К этому ясному «мы», которое существует даже в тесном зале за глухой стеной, даже когда снаружи рушат блокпосты.

Она поставила пустую миску на стойку.

Еда всё ещё тяжело лежала внутри, чужая и грубая. Но теперь это было хорошо. Значит, тело готово идти.

За стенами гул улицы стал другим — не бытовым, рваным. Больше голосов. Больше металла. Больше движения, чем мог удержать обычный день.

Сол подошёл к двери и взялся за засов.

— До Евы, — сказал он, будто проверял эту мысль на прочность. — Если уже всё ломается, может, это и есть момент, когда стоит спросить её в лицо.

Он открыл дверь.

Где-то в глубине корабля реактор продолжал толкать их вперёд через металл и кости, не как сердце и не как машина — как решение, принятое когда-то давно и с тех пор ни разу не пересмотренное.

Сцена 3 — Палата

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.